

Валентина АМИРГУЛОВА

Нищий Лазарь

г. Орел

Притча

Во времена оны был некий богатый человек, который одевался в пурпур и виссон, ел на золотых блюдах и спал под парчово-шелковым балдахином. У него было много неоглядных земляных угодий, несть числа золотых и серебряных монет и очень много слуг из различных краев и весей.

Богатство ему доставляли украшенные колокольчиками лошади, навьюченные ослы, караваны верблюдов, корабли, прибывающие из заморских стран с разноцветными флагами. И изо дня в день наполнялись просторные житницы богача.

У скота богача — волов, коров и коз — даже шерсть лоснилась и серебрилась. Кормили их только отборным зерном. А лошади и верблюды его носили на себе украшения из серебра и золота, дорогие седла, ковры для сидения, сделанные искусными мастерицами.

И дом богача был украшен на диво всем, будто то был сказочный дворец, построенный волшебными мастерами.

Здесь были двойные высокие скульптурные ворота с раскрашенными колоннами. Пороги и перемычки были покрыты позолотой и серебром. Облицовка стен была из слоновой кости. И жили в этом доме колонн, статуй, орнаментов и других украшений, вместе с семьей богача, челядь, слуги, рабы. Домочадцы несъемно носили золотые ожерелья, украшенные драгоценными камнями, серьги, бусы, подвески, на руках, ногах и в ушах. А мягкие роскошные разноцветные их одежды они покрывали золототкаными платками и перехватывали вышитыми поясами. А из дома выезжали на парадно украшенных лошадях. А когда хозяева возвращались, слуги постилали ковры для их ног.

И шире распахивались для них ворота. Но был этот вход не всякому приходящему дтверстый, а только знатным, богатым и нужным людям. Приходили в сей дом садовники, цирюльники, портные, повара, мыльщики и другие умелые рукодельцы и корпели они здесь, чтоб ублажить богача. Дом его имел кладовые разного рода, где теснились кувшины с вином и маслом, кувшинчики с благовониями и пахучими мазями, разные короба и бочонки с медом, зерном и крупами. Числа их не знали даже экономы и смотрители. Бесчисленное число людей обслуживало богача. Особенно много у них было работы, когда он собирал пиры и приглашал самых избранных гостей.

Прибывали они на пиршества на носилках, колясках и колесницах, которые были украшены бубенцами и тесьмой. Слуги богача принимали поводыя, спешившихся у ворот возчиков, а гостей провожали в дом, освещая путь золотыми светильниками. Шли они через двор, окруженный галереями и террасами из диковинных вьющихся растений, мимо фонтанов, бьющих серебристой влагой, мимо цветников, благоухающих амврозией, через сводчатые помещения, где украшены были и пол, и стены, и верхи столбов. И не сосчитать было прислужников, кланяющихся гостям. И все они были одеты в белое чистое полотно, а на ногах их были надеты дорогие сандалии.

Все в зале должно было вызвать восторг и удивление, и они сами хотели удивлять своим видом всех. Сверкая златоткаными покровами, золотом, блеском агата, яшмы, сердолика и жемчуга, гости с видом знатоков рассматривали стены и колонны, раскрашенные яркой блистающей живописью и орнаментами; диваны, кушетки, лежанки из ценного дерева в виде львов, коней и других животных, отделанные в слоновую кость и золото, богатые ковры, покрывающие полы, львиные и леопардовые меха, вазы, чеканные и литые, с диковинными цветами. А сажали гостей за огромные столы, обложенные серебром, с выставленными на них разнообразными яствами, сладостями и множеством вин.

Были за этими столами самые богатые и досточтимые. И никто из гостей не мог покраснеть или устыдиться за низость положения своего. Чувствовали они себя настолько сильными, что любого могли сокрушить наветами, ввергнуть в темницу, купить лестью, деньгами, возвысить и погубить. Эти сановники и их родственники помогали хозяину в разных неправедных судилищах, а на пирах изошряли язык свой лестью. И часто трапеза их становилась советом, где вершился неправедный суд и выносился жестокий приговор. Разговоры их были полны скверны. Они услаждались ею сами и потчевали других. Вещали они о блудодеяниях, пьянствах и прихотях. Старались преуспеть в своих рассказах и удивить непотребствами других. Хвалились они тем, за что получали знаки и отличия и поднимались по лестнице почета и сластей. И за разговорами поглощали еду с золотых и серебряных тарелок, запивая из кубков драгоценного металла, взирая на танцовщиц, одетых в прозрачные материи, услаждая слух хорами музыкантов, сладкоголосым пением раскрашенных блудниц. А прислуживающие гостям рабы клали пирующим гирлянды из роз на плечи, венки из цветущих лотов, подносили букеты им.

И пресыщались она бесконечным пиром жизни, который, как им казалось, не будет закончен никогда.

А хозяин сидел на золоченом кресле и возвещал, когда ему желали всяких благ:

— А у меня все есть, все ко мне притекает, как из источника. Мне только нужно успеть все принимать. Мои писцы и секретари не успевают записывать притекающее богатство, и сам я затрудняюсь его оценить.

А когда заканчивался пир, богач начинал готовиться к другому пиру, и была у него одна забота, как бы позабавнее расточить свое богатство, как бы почуднее поселиться и насладиться им. И вопрошал он себя пытливо, есть ли в его граде такие знатные люди, кого он еще не успел удивить? И искал он новые развлечения для тех, кто похищал чужое имущество, кто грабил и притеснял вдов и сирот, кто наслаждался богатством, роскошью, бесчисленными благами, кто давно заставил замолкнуть своего бордствующего и неусыпного судью.

А у ворот богача валялся нищий Лазарь, потому что не было у него своего угла. Не было у него даже глиняной хи-

жинки или хотя бы навеса с земляной скамьей. Не было у него и рогожки, под которой можно было спрятаться от солнца и дождя. Не было у него и циновки, чтоб лежать на ней, а не на земле. Но был над ним всегдашний покров мошек и насекомых, а в спутанных волосах его ютились клещи и вши. Был Лазарь весь покрыт струпьями, язвами, палящими ранами. С головы и до ног не было у него чистого и не больного места. Жег зной его покрытое ранами тело, и он как бы утопал в страданиях и нечистоте. И никто не желал ему помочь.

И проходила мимо него пышно разодетая толпа на торжища, конные ристалища, в театры, и, многоустая, вешала в один глас:

— Этот нищий бедствует за свою негодную жизнь. И если б сделал хоть что-нибудь доброго, то не получил бы того, за что теперь вынужден терпеть.

И те, кто победнее, тоже насмеялись вдоволь. Им было странно, как это человек не имеет приюта нигде. И спешили они мимо на сметенные торжища, где тоже были полно нищих беспутных бродяг.

И проходили мимо бедные и безвестные мастеровые. И будь то веревочник или медник, с презрением всегда высказывались о нищих тунеядцах. Им самим некогда было лежать в забвенье.

И проходили мимо образованные философы, кому на диспутах внимали и рукоплескали, кто любомудрствовал с удовольствием всегда и везде. И возвещали они с артистичной патетикой:

— Есть бедность, которая выше всякой бедности, что ждать от нее! — И осмелили они того философа, который высказал крамольную мысль:

— Милостыня потому и нужна, что мы подаем ее недостойным, иначе и достойные не попадутся нам...

Видано ли это, чтоб возвышать людей, недостойных и низких! И спешили ораторы прочь, чтоб успеть поупражняться в словесном мастерстве. Там, на трибуне они закидали тухлыми яйцами витию, который доказывал, что иные образованные ораторы своими жестокими словесами превзошли разбойников и воров.

И бросали им обвинения:

— Вы возвышаете лишь на словах людей отверженных и низких.

Но спешили философы прочь, чтобы упражняться в высоком словесном мастерстве.

А другие прохожие, попроще, не тратили много слов, даже не останавливаясь возле Лазаря:

— Ах, этот нищий, наверное, был разбойник и прощелыга!

— А может быть, он воровал у своих родных?

— Скорее всего, он был развратник и мотовщик.

— Такой бродяга не должен подняться с земли.

И это говорили те, кто даже миловал зверей, своих собак, кошек и птичек. Так рассуждали и те, кто умно разбирал пороки общества и предлагал средства, чтоб их излечить, кто с удовольствием любомудрствовал над чужими бедствиями, кто возвещал, что нужно помогать всем.

Философы, риторы, писатели, умевшие высказывать превосходные слова мудрости, о Лазаре не говорили много слов. Они обличали его коротко и громогласно и убежали прочь.

И спешили мимоидущие туда, где столы торжников и ментовщиков, где седалища продающих и покупающих, где трибуны вешающих и изрекающих, где престолы венценосцев и места возлежания их друзей.

И лежал Лазарь посреди суеты всего мира. Только нищета и презрение было его уделом. Не было о нем печения

ни у кого. И только сыпались на него со всех сторон слова оскорблений и обвинений.

Слушал их Лазарь и ни разу не возроптал. И не поскорбел он ни разу за то, что не было за него ходатаев, просителей, что некому было всплакнуть о нем.

Лежал он на земле так безмолвно, будто ложе земляное для него было гробом. И была для него смерть — упование, потому что мир земной отвергал его. И каждый день безропотно выпивал Лазарь чашу, полную горечи, спокойно воспринял он свой нищий удел.

Вид его не преклонял ни одного человека на милость. Никому не было дела до него.

Бедняк лежал не на распутии, не в тайном и тесном месте, но там, где богач входил в свой роскошный дом. Не появилось у него никакого сострадания к лежащему у его ворот. Думал он о своем благополучии и отвергал злополучие других.

Корабль богача, полный товара, плыл при попутном ветре. Разве он виноват, что судна других оказались на дне?

...А когда умер Лазарь, не было у него даже убогой домовины, чистой льняницы. Некому было горевать и восплакнуть о нем. Не нужно ему было разрешение от земных уз.

Ушел он в страну, где нельзя опасаться никакой перемены, где любой в безопасности от людской клеветы.

Впервые просветилось лицо Лазаря, а воздух наполнился благоуханием, словно возрадовался он, убежав от суетной смертной жизни, отправился туда, где вечный покой.

Донесли ангелы душу Лазаря туда, где нет ни скорбей, ни болезней, ни нищеты, ни горя, в места, исполненные неизреченных благ. Отнесен был страдалец на лоно Авраамово, туда, где души праведных наслаждались в ожидании воскресения тел.

Упокоилась душа Лазаря в том месте, что превыше небесной тверди, где селения и обители преисполнены славы и благ. Там много пресветлых нерукотворных палат, в которых слышен глас радости и веселия. Блаженствовала душа Лазаря в местах, преисполненных благовоными садами с высокими деревьями, увеселяющими взор. Одни деревья там непрестанно цвели диковинной благоуханною красотой, другие украшались златовидными листьями, иные имели плоды несказанной красоты.

Здесь никто не сражался, не умирал, не стремился к бесконечному уничтожению и возвышению.

И узрел Лазарь престол Божий, окруженный пламенными серафимами и херувимами. Увидел Создателя, облеченного в светлые одеяния, как бы сотканное из молний, венец на Его главе. И вешал Божий глас Лазарю:

— Ты обрел милость наслаждаться бесконечной радостью! Ищищено твое человеческое лицо, ты возведен на небеса. Не было у тебя дел правды, но безотраднa была твоя мука, не получил ты на земле утешения ни в чем. Там ты был пленником плача. А теперь перешел от скорбного странствования к вечной радости и любви. Вот награда за то, что ты показал стойкость и мужество, претерпев голод, жестокость, болезнь. Равнодушие всех помогло тебе сделаться славным. Гнусное бесчестие очистило тебя.

... А на земле веселился скупой богач. Но безвестен час смерти и для богатых, и для бедных. Потому неожиданно подошла к богачу смерть. Была она человеческого подобия, но вдруг обернулась скелетом, а на костях рук ее видели мечи, стрелы, копыя, серпы, пила, секиры. Быструю легкую смерть она приносила ударом меча, копыя и стрелы в сердце. Для долгих мучений пилкой она терзала тело. Горечью напаивала она свои жертвы и вешала всем: “Я — смерть, я казнь, я отнимаю жизнь”.

Но делала она это не по своей воле, а если ей давал указание Бог. И подошла смерть к богачу и сказала его душе:

— Я пришла за тобой, ты навеселилась вполне.

И воскликнула душа богача в панике:

— Я не готова! Я еще не могу бросить тело свое.

Но ответила смерть одно слово:

— Поздно!

И принялась за дело свое. Секирой отсекла вначале ноги, потом руки, затем отрубила голову богачу. И лежало его тело бездыханным на мягкой кушетке, покрытое златотканым покрывалом, недвижимое, как бы уставшее от земных наслаждений. Ничто не спасло почившего от смерти, которая пресекает земное зло. Перед ней все равны. И богач, и ремесленник, и слуга, и вдова, и философы, и риторы, и писатели, и те, кто вращался в благоденствии, и те, кто упивался прискорбностями. Когда в гости приходит смерть, не встретит никто следующий день. Только она имеет власть показать истину, что бедность и богатство — суть маски, и она одна снимает их. Она одна может сделать богатого беднее всех на земле бедняков.

Множество народа пришло на погребение богача, несли на кладбище его тело, покрытое белым расшитым золотом покрывалом, а дорогу устлали букетами роз. Провожали его с плачем и рыданием нанятых плакальщиц, которые рвали на себе волосы, ломали руки, царапали лицо.

И подступили к мертвому телу духи темные, с лицами, как сажа и смоль, с глазами, как каленые угли. И заревели они, как звери, и залаяли они, как псы, и завывали, как волки, и заскрежетали зубами, и закричали:

— Наша душа!

А в руках у них были свитки, на которых горели буквы:

— Немилосердный, скупой богач!

И открылись для богача заклепы ада, где веревки вечные, содержащие связанных и находящихся внутри земли.

Положенный в иссеченном каменном гробу, он душой был низведен в ад. Земля расступилась, и он был спущен по узким и смрадным сходам до преисподних темниц, где затворяются души грешников, увидавших концы неба и земли. Попала душа богача в место, исполненное непроницаемой тьмою, где царствует неугасающий огонь и бесконечная мука, где воздается каждому по делам его.

Для того, кто не испытал на земле ни бед, ни скорбей, ни болезней, ни скудости, ни срамоты, было уготовано страшное адское седалище. Реки огня протекали через него и шумели они неугасимым пламенем. Грыз его смертоносный червь, а мучениям нет конца. Если бы только один лучик света! Но в тени смертной не может воссиять свет!

И поднял страдающий богач глаза свои и увидел Лазаря. Того Лазаря, который лежал у ворот его дома в струпьях, а проходящие псы лизали струпья его. Лазарь теперь покоился на лоне Авраама в блаженстве и возносил вместе с ангелами славословия Творцу. Если бы он только омочил в росе небесной кончик перста своего и прохладил огненный язык богача! Что за отрада была бы в этих мучениях, не имеющих конца в беспросветном мраке, где скрежет зубов и неутешный плач. Стал умолять богач Авраама о милости. Ответил Авраам ему:

“Чадо, вспомни, что ты получил доброе свое в жизни своей, а Лазарь получил злое. Ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь. И ныне меж вами непроходимая пропасть. Она разделила вас навсегда на место, где есть воздаяние, и место, где есть отмщение”.

И завопил страдающий богач:

— Если бы мне вернуться на землю и рассказать об этом родным!

“Чадо, они не поверят воскресшему мертвецу, как не поверили многим пророкам. Но эта тайна будет для всех открыта, когда приведет их сюда смерть”.